

Глава 1. Я забираю этого ребенка.

—
Перед воротами дома социального обеспечения Синхэ Второго легиона стояла группа людей в военной форме, придавая приюту, изначально имевшему несколько детский стиль оформления, некую торжественность.

Во главе стоял высокий, крепкого телосложения мужчина с мужественными чертами лица, высокая переносица и глубокие, как чернила, глаза. На его изысканном белом военном мундире красовались разноцветные полосы, символизирующие его высокий статус, отличный от статуса обычных людей.

На лице мужчины не было никакого выражения. У него были красивые глаза цвета персика, но в них не было и следа легкомыслия. Вместо этого они были торжественными и спокойными, что заставляло людей немного бояться их.

Несколько человек недолго постояли у ворот, когда из приюта торопливо вышли двое. Главным был невысокий полный мужчина с ярко выраженными каплями пота на лице и очень нервным видом. Другому было не лучше, он робко стоял за его спиной, похоже, его секретарь.

«Адмирал Цзи, здравствуйте, здравствуйте! Не знал, что Вы сюда пожалуете, совершенно не подготовились к Вашему приему. Я директор этого приюта, можете называть меня Сяо Сунь».

Цзи Юйчжоу поднял глаза и в течение двух секунд без особой заинтересованности смотрел на улыбающегося человека перед собой. Он быстро отвел взгляд и слегка кивнул в знак приветствия: «Здравствуйте».

В начале года Цзи Юйчжоу только что занял пост командующего Вторым легионом и стал самым молодым командующим легионом в истории Империи.

В межзвездную эпоху преобладала военная сила. Вся планета была объединена в одну Империю, и такие должности, как император и премьер-министр, больше не существовали. Четыре легиона управляли делами своих регионов. Новый командующий, вступив в должность, конечно, должен был осматривать территорию под своим управлением. Этот приют находился недалеко от дома, где жил Цзи Юйчжоу, и стал первым местом его осмотра.

Перейдя через железные ворота, группа людей вошла внутрь приюта. Внутренние помещения немного уступали по новизне внешней стене, но условия были вполне приемлемые. Сразу при входе первое, что вы видите, — это большая площадь. В центре площади возвышаются флаг империи и флаг Второго легиона. По всей площади разбросано различное спортивное оборудование, вероятно, для внеклассных занятий детей из приюта. Узнав о приезде Цзи Юйчжоу, приют был очищен, вокруг царил тишина, не было слышно даже пения птиц.

Цзи Юйчжоу кивнул, оставаясь довольным увиденным. Директор Сунь осторожно наблюдал за Цзи Юйчжоу и, увидев выражение его лица, наконец немного расслабился: «Наш приют — государственный, мы получаем ежегодное финансирование, и благодаря легиону дети в приюте могут счастливо расти, все прекрасно ладят и знают, как быть благодарными. Все они надеются, что однажды смогут послужить Империи...»

Цзи Юйчжоу наслушался подобной лести до притупления слуха и почувствовал скуку. Не дожидаясь, пока директор Сунь закончит, он нахмурился и решительно пошел вперед. Четкий стук его военных сапог заставил директора Сунь мгновенно замолчать, сгибаясь в поклоне и

следуя за Цзи Юйчжоу.

За площадью находилось здание школы с разноцветными наружными стенами, а рядом со школой стоял ряд очень ветхих домиков. Увидев, что Цзи Юйчжоу смотрит на эти маленькие домики, директор Сунь поспешно объяснил: «Это уже заброшенное общежитие, которое еще не успели снести. Мы договорились с командой по сносу, они приедут через несколько дней, чтобы его снести!»

Цзи Юйчжоу слегка кивнул и перевел взгляд на другое место.

Приют был небольшим, и дальше была уже стена. Цзи Юйчжоу огляделся, ничего не обнаружил и уже собирался вернуться, как вдруг услышал неясные шорохи со стороны маленьких домиков. Цзи Юйчжоу незаметно отвел руку вправо, касаясь холодного предмета, и опустив взгляд, спросил: «Там еще кто-то живет?»

Слух у Цзи Юйчжоу был острее, чем у других. Директор Сунь не услышал шума и без раздумий ответил: «Нет, никого! Наши ученики давно там не живут, это аварийное здание, как мы могли позволить туда кому-то заходить!»

Цзи Юйчжоу обменялся взглядом со своим адъютантом, стоящим позади, и нахмурился: «Пойдем посмотрим».

Пройдя еще десяток метров к ряду маленьких домиков, звуки изнутри стали постепенно яснее. Слышались неясные звуки борьбы и крики мальчиков, что-то вроде «умри!», «монстр!», «недостойный!»... и еще много непристойных ругательств.

Лицо директора Сунь мгновенно побледнело, на его круглом лице не осталось ни капли крови. Крупные капли пота проступили одна за другой, стекая по его и без того лоснящемуся лицу, что выглядело довольно нелепо. Цзи Юйчжоу слегка приподнял веки, взглянул на него, и на его лице по-прежнему не было никакого выражения: «Объясните?»

Директор Сунь пришел в себя и поспешно начал непрерывно кланяться и извиняться перед адмиралом Цзи: «Простите, простите, простите, адмирал Цзи, это моя плохая дисциплина. Дети невежественны, и могут возникнуть конфликты. Я преподам им урок прямо сейчас. Извините, извините...»

Пока они разговаривали, охранник Цзи Юйчжоу уже сделал два шага вперед и выбил дверь комнаты, откуда доносились звуки. Цзи Юйчжоу бросил взгляд на директора Сунь, который беспрестанно вытирал пот и кланялся, ничего не сказал и прямо вошел в комнату.

Комната была очень ветхой, стены покрыты паутиной, света не было, только на полу лежала изношенная циновка. Двое крепких мальчиков сидели верхом на голове ребенка, который лежал посередине, и били его руками и ногами. На ребенке был надет капюшон, поэтому было трудно определить, мальчик это или девочка. Можно было только сказать, что ему было лет шестнадцать или семнадцать. На всем его теле не было ни грамма мяса, а его открытые руки и ноги были тонкими, как бамбуковые палки. Двое сверху явно слышали, как открылась дверь, но ничуть не испугались, движений рук не прекратили, только едва-едва замолчали, прекратив ругаться, будто подобное поведение повторялось уже много раз и было молчаливо принято или даже одобрено.

Цзи Юйчжоу ничего не сказал. Стоявший рядом охранник решительно шагнул вперед и разнял их. Двое мальчиков сначала не поняли, что произошло, но, оглянувшись, увидели группу людей, стоявших в комнате, и тут же запаниковали, быстро опустили головы и встали смиренно,

не смея больше двигаться ни на дюйм. На их лицах были отчетливо видны царапины.

Директор Сунь вытер пот с лба и поспешно подошел, схватив одного из мальчиков за ухо: «Что я вам сейчас говорил?! Командир легиона здесь, а вы еще осмеливаетесь устраивать беспорядки? Я вам покажу...»

Директор Сунь говорил, когда Цзи Юйчжоу сделал останавливающий жест. Директор Сунь тут же замолчал, но его мышиные глаза все еще злобно смотрели на двоих. Взгляд Цзи Юйчжоу упал на лежащего на полу ребенка. Тело ребенка дрожало, казалось, он испытывал сильную боль.

Без двоих, давящих на него сверху, Цзи Юйчжоу смог рассмотреть его получше. Ребенок был очень худым, одетым в какую-то рваную одежду, которую он, видимо, где-то нашел. Его тонкие руки и ноги были покрыты синяками и кровоподтеками, непонятно, от холода или от побоев. Только капюшон закрывал все лицо, так что даже черты лица не были видны.

Ребенок не двигался. Цзи Юйчжоу медленно отвел взгляд. Жестокое запугивание слабых было обычным делом, тем более в таком месте, как приют, где смешивались все слои общества. Если есть молчаливое одобрение со стороны руководства... Цзи Юйчжоу обернулся и взглянул на директора Сунь.

Вспомнив отчеты шпионов о передвижениях директора Сунь, Цзи Юйчжоу не стал злиться на него, повернулся к охраннику и приказал: «Отвезите этого ребенка в больницу, чтобы обработать раны». Затем он сделал несколько замечаний директору Сунь, наказав ему хорошо воспитывать учеников в приюте, считая, что дело можно свести к минимуму и забыть.

Охранник подошел, чтобы проверить состояние ребенка, и хотел поднять его, но, как только он собирался коснуться его тела, ребенок резко отшатнулся назад, полностью забравшись под заброшенный маленький столик позади, обхватил колени и свернулся в клубок.

Почему-то это движение напомнило Цзи Юйчжоу ежика, которого он видел прошлой весной на охоте.

У Цзи Юйчжоу редко возникал интерес. Он сделал два шага вперед, его кожаные ботинки ступили на место, где только что лежал ребенок, и он слегка наклонил голову, глядя на дрожащего маленького мальчика: «Мы хотим тебе помочь».

Голова, спрятанная в широком капюшоне, пошевелилась, и было непонятно, качает он головой или кивает. Донесся тонкий, как комариный писк, голос. Цзи Юйчжоу услышал отчетливо: это было «спасибо».

Ребенок сказал спасибо, но все равно не собирался вылезать из-под столика, наоборот, отступил еще на несколько шагов, спиной упершись в облупленную стену, будто боялся, что кто-то обнаружит его постыдный секрет.

Директор Сунь пришел в себя и, подбежав к Цзи Юйчжоу, с улыбкой объяснил: «Этот ребенок замкнутый, он так ведет себя со всеми, он от природы «слеп»*, не обращайтесь на него внимания, я потом обязательно хорошо его воспитаю».

[*盲 (yǎn wú zhǔ): Это идиома. Буквально переводится как "иметь глаза, но без жемчужин/зрачков". Используется в переносном смысле для описания человека, который: неспособен распознать истинную ценность чего-либо или кого-либо; слеп к очевидным вещам или правде.]

Неизвестно, какие слова директора Сунь задели чувствительные нервы ребенка, он резко задрожал всем телом, вытянул покрасневшую руку и натянул капюшон еще ниже.

Цзи Юйчжоу не было нужды лезть туда, где его не ждали, он больше не смотрел на съжившегося ребенка, но слова директора привлекли его внимание. Он небрежно спросил: «Слеп?»

«Да, его глаза отличаются от глаз обычных людей», - поспешно ответил директор Сунь. «Вы даже можете испугаться, когда увидите их. У этого ребенка врожденная аномалия, глаза голубые, смотреть на них очень неприятно».

«Что вы сказали?»

Нога Цзи Юйчжоу, которая только что собиралась сделать шаг, внезапно остановилась. Он резко повернулся и пристально уставился на съжившегося ребенка, плотно нахмурившись. «Голубые глаза?»

В межзвездную эпоху почти у всех без исключения глаза были черными. Часто говорили, что цвет глаз, отличающийся от черного, является дурным предзнаменованием. Директор Сунь подумал, что он нарушил какое-то табу Цзи Юйчжоу, и хотел что-то сказать, но не успел, как Цзи Юйчжоу уже присел и силой откинул капюшон, который ребенок постоянно держал на голове.

Ребенку было некуда деваться, и он лишь в панике опустил голову, закрыл глаза и не смел смотреть на Цзи Юйчжоу, но Цзи Юйчжоу все равно увидел: под тонкими дрожащими ресницами глаза, полные настороженности, были голубыми.

Светло-синие глаза на лице ребенка не выглядели ни свирепыми, ни ужасными. Округлые, они были похожи на священные голубые сапфиры, омытые талым снегом далеких гор, они были еще более завораживающими, чем те голубые глаза, которые помнил Цзи Юйчжоу.

В одно мгновение перед глазами Цзи Юйчжоу мелькнуло прошлое: пуля, пролетевшая мимо его уха, а в ушах звучал шум толпы...

Цзи Юйчжоу быстро пришел в себя, медленно прикрыл глаза, провел пальцем по грязной щеке ребенка и, вставая, обратился к охраннику, стоящему позади: «Возьми его с собой».

По приказу Цзи Юйчжоу охранник действовал быстро: в два счета отодвинул ветхий деревянный столик и, волоком и таща, схватил ребенка, собираясь выйти. Цзи Юйчжоу рядом велел: «Поосторожнее». Движения охранника стали мягче, и он почти поднял ребенка на руки.

Директор Сунь стоял рядом, не смея пошевелиться, и только когда охранник отошел, осторожно спросил: «У этого ребенка... есть какие-то проблемы?»

«Нет, я забираю этого ребенка». Цзи Юйчжоу не стал объяснять дальше и решительно вышел из темной комнаты, следуя за охранником.

—